

Царицы и царевны изъ дома Романовыхъ

Глава пятая.

Царевна Марѳа Алексѣевна, ея дѣтство и отрочество; участіе въ судьбѣ Софьи и общаѣ съ нею участіе—постриженіе.—Жизнь царевны инокини Маргариты въ Успенской обители и ея кончина.—Судьба другихъ дочерей царя Алексѣя Михайловича: Евдокіи, Екатерины, Маріи и Θεодосіи.

I.

Первенецъ царя Алексѣя Михайловича царевичъ Дмитрій, не доживъ году, скончался: вторымъ ребенкомъ была дочь Евдокія, а за нею 26 Авг. 1652 г. „далъ Богъ дитятко моленное, да не проженное, не въ томъ смыслѣ, да не въ ту силу: родилась опять дочь“. Царю нуженъ былъ сынъ, наследникъ, царевичъ, о которомъ онъ и царица, и бояре и народъ возсылали усердныя молитвы; но, какъ отецъ, Алексѣй Мих. все же привѣтствовалъ рожденіе дочери обычнымъ порядкомъ, торжественнымъ молебнымъ и оповѣщеніемъ народу, что царица родила „дщерь, благовѣрную царевну, великую княгиню Марѳу Алексѣевну“, названную такъ въ память бабки Ксеніи Ивановны, въ инокиняхъ Марѳы.

4 Сент. (1652 г.) новорожденную царевну крестили въ Чудовомъ монастырѣ въ присутствіи царя, а затѣмъ она была сдана на попеченіе своей мамы (Ульяны Петровны Шереметевой). Въ 1654 г., во время мороваго повѣтрія въ Москвѣ, двухлѣтняя Марѳа со всей царской семьей и патриархомъ Никономъ, по пути въ Калязинъ, посѣтила и женскую обитель Успенскую, въ которой впоследствии окончила свои дни.

Когда Марѳа стала выходить изъ младенчества, къ ней приставлена была мастерица—учительница (Авдотья Пыпина), обучавшая ее грамотѣ, чтенію часослова и псалтыри. И если 10-лѣтней Софѣ удалось попасть подъ просвѣщенное вліяніе Симеона Полоцкаго, то уже 16 лѣтня въ это время царица Марѳа переведена была въ верхнія свѣтлицы совершеннолѣтнихъ царицъ и врядъ-ли могла пользоваться этимъ вліяніемъ. Полная цвѣтущей красоты, дородная, рослая, царица впервые официально предстала, „объявилась“, въ числѣ другихъ царицъ передъ патріархомъ антиохійскимъ Макаріемъ, прибывшимъ изъ Палестины для суда надъ Никономъ, и получила отъ него благословенную грамоту (5 іюня 1668 г.), а затѣмъ она не разъ сопутствовала своимъ родителямъ въ ихъ богомольныхъ походахъ и въ ихъ загородныхъ поѣздкахъ, сопровождаемая, по обычаю, какъ и другія царицы, своею мамой и своей учительницей.

3 марта 1669 г. скончалась царица Марья Ильинишна, Марѳа съ сестрами лишилась матери и состояла на попеченіи тетокъ; особенное участіе ей оказывала царица Татьяна Мих., которую позже въ своихъ письмахъ она называетъ „матушкой“, очевидно крестной. Царь жалѣлъ и ласкалъ своихъ осиротѣвшихъ дочерей съ особенною нѣжностью. Но послѣ своей вторичной женитьбы и въ особенности съ рожденіемъ царевича Петра, здороваго и крѣпкаго, сравнительно со старшими сыновьями Федоромъ и Иваномъ у царя Алексѣя Мих. наступило нѣкоторое охлажденіе къ своей семьѣ отъ перваго брака, что не могло не поселить въ средѣ этой послѣдней недружелюбнаго чувства противъ мачехи, которое къ тому же подогрѣвалось и родственниками по матери, Милославскими. Въ царскомъ теремѣ среди какъ бы заживо погребенныхъ царицъ пошли толки, пересуды о новой семьѣ царя, прерываемые все же изрѣдка общими развлеченіями: играми, хороводами, медвѣжьими потѣхами и т. п. Но если у тетки царицы Ирины содержалась развлекавшая ее дурка, то у жалостливой царицы Марѳы мы видимъ пригрѣтую ею малолѣтнюю безногую дѣвочку. Были, впрочемъ, во дворцѣ и другія потѣхи: игра органная, фокусники и театральныя зрѣлища.

Когда послѣ пяти лѣтъ счастливой брачной жизни съ Наталіей Кир., царь Алексѣй Мих. скончался, то въ терему царскомъ насторожились и стали еще болѣе чутко прислушиваться къ тому, что дѣлалось вокругъ, въ самомъ Кремлѣ, въ Москвѣ и въ царствѣ? Мы видѣли изъ жизнеописанія царицы Софіи, какъ разыгралась вражда между Милославскими и Нарышкиными, какъ выдвинулась и смѣло вышла изъ те-

рема самая умная, рѣшительная изъ сестеръ, Софья, какъ она повела открытую борьбу съ мачехой, сначала за власть „скорбнаго головой“ брата Ивана, а затѣмъ и за свою собственную власть. Въ семилѣтнее правленіе Софьи ея сестрамъ жилось лучше, для нихъ выстроены были особыя каменные палаты, онѣ могли свободно брать изъ казны деньги на свои нужды, да и сношенія съ внѣшнимъ міромъ облегчились. Когда же надъ головою Софьи разразилась гроза и она съ престола прямо препровождена была въ монастырскую келію, Марѳа, сочувствовавшая ей, продолжала сноситься со стрѣльцами и находила способы передавать заключенной о желаніи ихъ снова ее видѣть на престолѣ. Но скоро еще бѣдшая разразилась надъ головами обѣихъ царевенъ Софьи и Марѳы: первая въ 1698 г. была пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; вторая, хотѣвшая, быть можетъ, по добротѣ своей выгородить сестру, чистосердечно повинилась въ сношеніяхъ со стрѣльцами, была также пострижена подъ именемъ Маргариты и отправлена подальше, въ Успенскій монастырь (въ Александровской слободѣ), гдѣ сохранились преданія о житьѣ-бытьѣ этой царевны-инокини.

II.

Когда въ глубокую осень 1698 г., въ глухую полночь раздался ударъ въ привратное било Успенскаго монастыря, смущенныя сестры встревожились. Но дѣло вскорѣ разъяснилось и онѣ съ честью приняли царскую узницу, которая будучи еще двухлѣтней дѣвочкой посѣтила ихъ обитель, а теперь передъ ними стояла 46-лѣтняя взволнованная и видимо истомленная долгимъ подкараульнымъ путемъ инокиня.

Вскорѣ съ государеваго двороваго мѣста перенесены были въ Успенскую обитель царскіе хоромы, поставленные у большой колокольни (временъ Грознаго) у Распятной церкви, и въ нихъ водворилась царевна-инокиня. Эти хоромы—кельи существуютъ и понынѣ: „онѣ изъ бѣлаго тесаннаго камня, построены особо отъ прочихъ, крыты тесомъ, не высоки, малыми окнами и внутренность ихъ мрачна“ (Н. С. Стромилловъ).

Обѣ постриженныя сестры получали по распоряженію Петра то же содержаніе, какое получали и до своего заключенія: Сусанна (Софья) получала всего ей необходимаго на сумму 5144 р. (быть можетъ съ карауломъ вмѣстѣ), а Маргарита (Марѳа)—на сумму 2649 р.; при ней караула не было и лишь игуменьѣ особымъ указомъ царя поручень

былъ бдительный надзоръ за ней. Царевна-инокиня жила въ обществѣ своихъ боярынъ, казначей, постельницъ и прислуживавшихъ ей молодыхъ монахинь-послушницъ. По указу Петра всѣ необходимые припасы доставлялись обѣимъ царевнамъ-инокинямъ отъ подвѣдомыхъ приказу большого дворца приказовъ и дворцовъ хлѣбнаго, сытнаго, запаснаго, изъ овощной палаты и т. д., но изъ писемъ, обращенныхъ и къ брату Петру, и къ теткѣ Татьянѣ Мих. и къ другимъ лицамъ, видно, что припасы эти, рыба, овощи, вино и т. п. доставлялись медленно, несвоевременно и часто въ испорченномъ видѣ. Изъ письма къ вліятельному кесарю Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому, главному начальнику Москвы, мы знаемъ, что ей прислана грамота съ какихъ монастырей брать деньги и сроки указаны, а „сроки всѣ прошли, ни денегъ, ни запасовъ нѣтъ“ и она „терпитъ нужду въ кушаньѣ,“ такъ какъ запасы, присланные изъ Москвы—„все гнилое“. Въ другомъ письмѣ къ царскому дядѣ, Льву Нарышкину, инокиня Маргарита жалуется на то же и проситъ poradѣть о ней въ ея нуждѣ. Еще откровеннѣе пишетъ она къ теткѣ Татьянѣ Мих.: „свѣтъ моей милостивой матушкѣ и тетушкѣ благородной, царевнѣ и великой княгинѣ Татьянѣ Михайловнѣ, богомолица ваша инокиня Маргарита, Бога моля, и челомъ бьетъ, милости у тебя прошу, радость моя, государыня тетушка и матушка, прислана ко мнѣ грамота, чтобы за столовый запасъ привозить мнѣ изъ монастырей деньгами и грамоты въ тѣ монастыри посланы и срокъ поставленъ“... Но срокъ давно прошелъ и „деньги полтретьи тысячи на годъ“ не присылались, а потому она проситъ ускорить „то дѣло, такъ какъ ни денегъ, ни запаса, присылаемаго изъ Москвы, нѣтъ,“ да зимою „всѣ перемерзлыя“, а лѣтомъ „протухшія“... Нуждаясь въ особенности во время болѣзни, она обращалась и къ сестрѣ Марьѣ Ал. „одолжить ей въ займы, до Семена дня, пять сотъ рублей“, а если бы таковыхъ не было, то проситъ бить челомъ тетушкѣ Татьянѣ Мих., которая часто ссужала деньгами по двѣсти, по триста рублей свою злополучную племянницу.

Насильно переодѣтая изъ золотой парчи въ черную рясу, инокиня Маргарита подчинилась неизбѣжному, и большую часть дня проводила въ постѣ и молитвѣ, въ чтеніи священныхъ книгъ; остальное время посвящалось домашнимъ заботамъ и излюбленному рукодѣлію—вышиванію шелками, золотомъ, что доставляло ей наибольшее удовольствіе и нѣкоторые образцы ея работы сохранились въ обители (риза, стихарь, три параманды и др.). Преданіе говоритъ, что она имѣла и „тружденіе“: носила кирпичи на постройку монастыря, ходила на уборку сѣна съ другими инокинями или трудилась въ своемъ садикѣ,

близъ ея кельи. Вечернія бесѣды съ приближенными оживлялись иногда новостями изъ Москвы, толками народными, заносимыми въ обитель богомольцами, о новомъ царѣ. Черезъ годъ послѣ заключенія ея посѣтила въ день ея тезоименитства (1 сент. 1699 г.) любимица ея Марья Васильевна Головина (рожденная Мещерская), бывшая комнатная дѣвица сестры Софьи и царевна—инокиня благословила ее иконой. Изрѣдка къ ней прїѣзжали и ея родныя сестры, Марья и Феодосія, которыя по временамъ и проживали у нея, осуждая новыя порядки...

Вслѣдствіе всѣхъ пережитыхъ тревоженій и будучи тучнаго тѣлосложенія, инокиня Маргарита стала хворать все чаще и чаще, и тогда она все чаще писала къ той же Татьянѣ Мих.; прося ее похлопотать о присылкѣ „дохтура Лаврентія молодого ради толико болѣзни, а я государыня отъ болѣзни изнемогаю, насилу съ постели встаю, ноги у меня болятъ, двѣ болѣзни въ ногахъ рожа и камчугъ“ (подагра); дальше она проситъ прислать именно этого доктора (былъ еще и старшій Лаврентій), такъ какъ другіе ея болѣзни не знаютъ, и на болѣе продолжительное время, „не менѣе двухъ мѣсяцевъ“, такъ какъ болѣзнь застарѣлая и вдругъ ее излѣчить нельзя. О томъ же она пишетъ и всеильному Ромодановскому и вліятельной сестрѣ Наталіи Алексѣевнѣ и другимъ сестрамъ, прося ускорить дѣло. И хотя желанный докторъ и пробылъ у нея нѣкоторое время и послѣдовало временное улучшение, но не замедлило и новое ухудшеніе: „въ горлѣ какъ колодезь хрипить“, писала она снова, прося прислать того же „дохтура“... Вскорѣ дошли до инокини Маргариты сначала слухи о предсмертной болѣзни любимой сестры царевны-инокини Сусанны, а затѣмъ пришли вѣсти и о ея кончинѣ (въ 1704 г.) и она получила кое-какія, завѣщанныя покойной, ея вещи изъ утвари (ложку, посвѣчникъ, блюдо). Стала въ тоже время хворать и любимая матушка и тетушка Татьяна Мих., скончавшаяся въ 1706 г. и завѣщавшая ей также нѣкоторые предметы—оловянныя блюда (тарелы) съ вырѣзкою на нихъ „царевна Татьяна Михайловна“, хранящіяся съ другими предметами, принадлежавшими инокинѣ Маргаритѣ, въ ризницѣ Успенской обители и понывѣ.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Петру, вскорѣ послѣ смерти Татьяны Мих., инокиня Маргарита проситъ его навѣстить ее съ царевичемъ Алексѣемъ и, между прочимъ—пожаловать ей деньги блаженныя памяти тетушки Татьяны Мих. изъ большой казны, какъ и ея сестрамъ. Сохранилось мѣстное монастырское преданіе о томъ, что Петръ, быть можетъ, по доносу, внезапно явился въ Успенскій монастырь и послѣ обѣдни пѣшкомъ прошелъ прямо въ келію Маргариты, гдѣ и засталъ

свою крамольную сестру, полуживую, едва сидящую за чтеніемъ акафиста своему ангелу, что утѣшило Петра. Точныхъ свѣдѣній объ этомъ посѣщеніи нѣтъ, но хорошо извѣстно другое—что царевичъ Алексѣй въ концѣ 1706 г. тайно, проѣздомъ въ Суздаль на свиданіе съ заточенной тамъ матерью, постриженной въ Покровскомъ монастырѣ подъ именемъ инокини Елены, посѣтилъ и больную тетку свою инокиню Маргариту.

Удрученная сознаниемъ и страхомъ передъ неизбежнымъ концомъ, инокиня Маргарита еще разъ писала любимой сестрѣ Петра, Наталіи, прося ее отпустить къ ней снова „дохтура Доврентія“, такъ какъ она совсѣмъ отъ болѣзни изнемогаетъ: „изъ головы мокрота у меня течетъ другой мѣсяць и я мню, что у меня въ головѣ мозгъ испортился отъ печали“. Въ другомъ письмѣ она еще разъ умоляетъ ту же царевну Наталію „не дать ей умереть безвременною смертью“ и съ тою же просьбою обращается къ единоутробнымъ сестрамъ Евдокіи, Марьѣ, Θεодосіи,—такъ хваталась за жизнь эта горемычная царевна-инокиня!.. Но докторъ не ѣхалъ, а болѣзнь усиливалась и привела къ могилѣ. Тихо почила Маргарита въ 12 ч. дня, 19 іюня 1707 г., 54 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 25 дней отъ роду, пробывъ около 9 лѣтъ въ Успенской обители безвыездно.

„Вдали отъ родного крова, чужая рука сомкнула ей очи, запекшіяся уста не оросила горькая слеза, не слышно было надгробнаго рыданія... только красное солнышко, среди свѣтлаго знойнаго лѣтняго дня, вмѣсто родственнаго послѣдняго лобзанія озарило безжизненный ликъ брэннаго тѣла въ Бозѣ почившей, сіяя на его потухшихъ ланитахъ“ (Н. С. Стромилловъ). По собственному желанію, она была погребена „безъ чина“; т. е. безъ всякаго церемоніала, какъ простая монахиня въ общей усыпальницѣ „со убогими монахинями“. Въ день и часъ смерти царевны инокини въ Успенскомъ монастырѣ и понынѣ совершается годовая панихида по ней и воспоминаніе о ней крѣпко живетъ въ памяти инокинь этой обители.

III.

Въ 1712 году царевны Марья и Θεодосія посѣтили гробницу сестры и распорядились перенести ея прахъ изъ общей усыпальницы въ церковь Срѣтенія Господня, въ особую подвальную палатку „царевнину усыпальницу“. Въ это же время царевна Θεодосія выразила

желаніе, въ случаѣ ея смерти, быть погребенной рядомъ съ сестрой инокиней, что и было выполнено, когда въ слѣдующемъ 1713 году скончалась 56-ти лѣтъ отъ роду царевна Θεодосія, Марья Алексѣевна перевезла тѣло своей младшей сестры въ Успенскую обитель и погребла въ одномъ склепѣ съ инокиней Маргаритой, гдѣ онѣ обѣ почиваютъ вѣчнымъ сномъ и понынѣ.

Годомъ раньше Θεодосіи скончалась и самая старшая дочь царя Алексѣя Мих., царевна Евдокія (около 62-хъ лѣтъ), ничѣмъ не выдвинувшаяся среди сестеръ, но все же подозрѣвавшаяся Петромъ въ сочувствіи Софѣ. Въ 1718 г. скоропостижно скончалась царевна Екатерина Ал. (60 лѣтъ), сильно опасавшаяся во время розысковъ и допросовъ сестеръ, чтобы не раскрылись ея переписка и сношенія съ Костромскимъ попомъ Егоріемъ Елисѣевымъ, бывшимъ ея другомъ, котораго она тайно принимала въ своихъ хоромѣхъ и дарила ему деньги и дворцовую посуду. И хотя участіе ея въ дѣлахъ Софьи не было доказано, но сохранившіяся письма ея даютъ яркую картину всечeskихъ ухищреній царскаго терема въ сношеніяхъ съ міромъ внѣшнимъ черезъ постельницъ, старицъ, богомолокъ и т. п.; черезъ этихъ же услужливыхъ и преданныхъ слугъ теремъ царскій направлялъ сообразно своимъ цѣлямъ и умы народныя. Впрочемъ царевна Екатерина менѣе другихъ сестеръ вмѣшивалась въ дѣла *политическія* и потому сохраняла добрыя отношенія съ Петромъ; при крещеніи его второй супруги Екатерины I, царевна вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ была ея воспріемницей. Обѣ царевны, Евдокія и Екатерина погребены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Дольше другихъ своихъ сестеръ прожила царевна Марья Ал. Она не скрывала своихъ симпатій къ первой женѣ Петра, Евдокіи Θεодоровнѣ, насильно постриженной въ томъ же монастырѣ (Покровскомъ-Суздальскомъ), гдѣ когда то монахиней же окончила дни свои и первая жена Василя III Соломонія. Черезъ Марью Ал. царевичъ Алексѣй не разъ передавалъ матери письма, а передъ своимъ бѣгствомъ за границу передалъ черезъ нее же матери 500 рублей.

Во время своего бѣгства за границу, по пути изъ Риги въ Либаву, царевичъ Алексѣй встрѣтилъ тетку Марью Ал., возвращавшуюся изъ Карлсбада, гдѣ она, вѣроятно, лѣчилась водами; въ ея каретѣ царевичъ велъ бесѣду о своемъ горькомъ положеніи, при этомъ тетка потребовала, чтобы онъ, покидая отечество, написалъ хотя строчку матери и когда царевичъ Алексѣй колебался, то Марья Ал. прямо,

заявила: „хотя-бъ тебѣ и пострадать—вѣдь за мать, никого иного“... Такъ понимала царевна Марья Ал. сыновнія чувства къ матери. Позже, во время розысковъ (1718 г.), кончившихся смертію царевича Алексѣя Петровича, была привлечена къ допросу, посажена въ Шлюссельбургскую крѣпость и царевна Марья Алексѣевна, потомъ ее перевели въ особый домъ въ Петербургъ подъ надзоръ. Переживъ всѣхъ своихъ сестеръ царевна, Марья Ал. скончалась въ мартѣ 1723 г. имѣя около 70 лѣтъ отъ рожденія.

Еще раньше, въ 1716 г. скончалась и вдова царя Θεодора Ал., Марѳа Матвѣевна (Апраксина). Вдова царя Ивана Ал., Прасковья Θεодоровна (Солтыкова), оставшись съ тремя (двѣ старшія дочери, Марія и Θεодосія, скончались въ младенчествѣ) малолѣтними дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей, по смерти мужа (1696 г.) жила въ отведенномъ ей дворцѣ въ с. Измаиловѣ и дворъ ея, по выраженію Петра, представлялъ „госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ“; позже она съ дочерьми переѣхала въ новую столицу Петра и дочерямъ ея давалось воспитаніе, сообразно уже новымъ требованіямъ, а царь самъ принималъ участіе въ устройствѣ ихъ судьбы. Прасковья Θεодоровна немногимъ пережила царевну Марью Ал., она скончалась въ октябрѣ 1723 г.

Такимъ образомъ царскій теремъ опустѣлъ окончательно. Но прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, необходимо коснуться личности царевны Наталіи Алексѣевны, младшей любимой сестры Петра, которая родилась и провела первые годы своей жизни въ царскомъ теремѣ, а равно и жизни внучки Петра В. Наталія Ал., въ которой отразилась уже новая эпоха въ жизни царскаго двора.

Глава шестая.

Царевна Наталія Алексѣевна, младшая сестра Петра Великаго, значеніе ея въ области русскаго театра.—Великая княжна Наталія Алексѣевна, внучка Петра В.; ея роль въ жизни брата, императора Петра II, и ея недолгая жизнь.

I.

Единоутробная сестра Петра В., Наталія, бывшая только годомъ его моложе, родилась 22 Авг. 1673 года и послѣ ужасовъ стрѣлецкаго мятежа (1682 г.) съ матерью и братомъ жила въ с. Преображенскомъ. Изрѣдка лишь наѣзжая въ Кремль, оставившія столько тяжелыхъ вос-

поминаній дѣтства, которыми братъ и сестра безъ сомнѣнія не раздѣлились взаимно, что вмѣстѣ пережитое сближало ихъ еще болѣе. При новой обстановкѣ въ с. Преображенскомъ они воспитывались почти одинаково, т. е. росли на свѣжемъ воздухѣ, среди сельской природы, тщательно охраняемые матерью отъ враждебныхъ замысловъ ея недруговъ среди московскаго двора. Братъ и сестра были почти неразлучны и юная царевна не разъ побывала съ братомъ въ Нѣмецкой слободѣ, ѣздила къ нему и на Переяславское озеро; 6 Окт. 1689 г. послѣ удаленія Софьи, она возвратилась съ матерью и Петромъ въ Москву. 21 года (въ 1694 г.) она лишилась горячо любимой матери и всячески старалась замѣнить ее по отношенію къ брату: во время Азовскихъ походовъ она писала къ нему, прося беречь свое здоровье и жизнь, не подходить близко къ ядрамъ и пулямъ, и братъ отшучивался, отвѣчая ей: „по письму твоему я къ ядрамъ и пулямъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ, но по ся поры вѣжливо“. Въ 1700 г. царевна Наталія Ал. ѣдетъ въ Воронежъ, чтобы присутствовать при спускѣ корабля „Предпетинація“; а въ 1705 г. провожаетъ Петра до Путивля въ его походъ на Полоцкъ. Въ другихъ случаяхъ радостно встрѣчаетъ его и раздѣляетъ съ нимъ всѣ его неудачи въ походахъ и торжества въ битвахъ. Въ качествѣ любимой сестры, она не разъ ходатайствуетъ передъ нимъ за другихъ сестеръ и мы видѣли, что царевна-инокиня Маргарита не разъ обращалась къ ней за покровительствомъ въ своихъ нуждахъ и болѣзняхъ.

Царевна Наталія Ал. постоянно шла навстрѣчу всѣмъ преобразованіямъ Петра, который всегда находилъ лучшую поддержку у любимой и любящей сестры. 1 Марта 1698 г., когда по случаю отпуски бранденбургскаго посла Петръ давалъ обѣдъ и танцы въ Лефортовскомъ дворцѣ, то Наталія Ал. съ царевичемъ Алексѣемъ изъ сосѣдней комнаты свободно смотрѣла на танцующихъ. Она первая, по возвращеніи Петра изъ за границы, переодѣвается въ нѣмецкое платье, съ фижмами и робронами, на что такъ неохотно шла жена Петра Евдокія Ѳеодоровна. Удаливъ эту недобрую жену въ монастырь, Петръ поручаетъ заботу о восьмилѣтнемъ сынѣ царевичѣ Алексѣѣ той же любимой сестрѣ, которая и увозитъ его съ собою въ с. Преображенское; ея попеченію довѣрялись позже дочери Петра отъ второй жены Екатерины Алексѣевны, Анна и Елисавета. Своего „надежду внука“, сына царевича Алексѣя, Петръ креститъ вмѣстѣ съ сестрой Наталіей, а послѣ смерти кронпринцессы Шарлоты, жены царевича Алексѣя (въ 1715 г.), случившейся черезъ 10 дней послѣ рожденія сына, названнаго Петромъ, этотъ послѣдній и его сестра Наталія, годомъ раньше родившаяся, от-

даются царемъ на попеченіе той же умной, уважаемой и любимой сестры.

Царевна Наталія Ал. была страстной любительницей театра и въ этой области она оставила по себѣ нѣкоторый слѣдъ. Съ 1690 г. комедіи давались даже въ ея хоромахъ, когда ей было всего 17 лѣтъ, а позже въ с. Преображенскомъ, гдѣ еще при Алексѣѣ Мих. строилась особая „Комидійная хоромина“, процвѣталъ театръ подъ покровительствомъ царевны Наталіи Ал. Въ с. Измайловѣ, гдѣ жила вдова царя Ивана, Прасковья Ѳед., съ тремя дочерьми, также имѣлся театръ и Наталія Ал., не уступавшая въ подвижности брату, часто туда наѣзжала, а иногда и проживала тамъ. Въ Москвѣ на Красной площади, по распоряженію Петра, построена была „Комедіальная хоромина“ для народа, гдѣ давалась даже комедія Мольера „Докторъ принужденный“ и ее выполняли русскіе актеры нѣмецкой выучки. Съ переѣздомъ въ Петербургъ при дворѣ царевны Наталіи Ал. также былъ устроенъ театръ, для чего приспособленъ былъ большой пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. У Наталіи Ал. имѣлась цѣлая коллекція театральныхъ пьесъ, довольно подробный репертуаръ которыхъ дошелъ до насъ; кромѣ пьесъ религіознаго содержанія есть много пьесъ и свѣтскаго характера, все это передѣлки или переводы польскихъ романовъ конца XVII в. („Петръ-золотые ключи“, „Гризельда“ и др.). Пьесы эти носили преимущественно обстановочный характеръ, процессіи, сраженія, коротенькіе діалоги—замѣняли драматическую борьбу и обрисовку характеровъ дѣйствіемъ (И. А. Шляпкинъ).

Царевна Наталія Ал. и сама писала театральныя пьесы. Въ одной изъ своихъ пьесъ („Стефанотокосъ“), она аллегорически, подъ скрытыми именами изобразила эпизодъ изъ стрѣleckаго бунта—заговоръ Шакловитаго. Сохранились программы четырехъ пьесъ, приписываемыхъ перу Наталіи Ал.: „Екатерина Великомученица“, „Евдокія Великомученица“, „Хрисанфъ и Дарія“ и „Цезарь Оттонъ“. Сюжетъ трехъ первыхъ взятъ изъ житій святыхъ. Полагаютъ, что пьеса „Евдокія“ написана для оправданія себя въ томъ, что якобы она остудила любовь царя Петра къ Евдокіи (Лопухиной). Вотъ ея содержаніе: наставленная старцемъ Гермономъ (Германъ), Евдокія бросаетъ блудную жизнь и уходитъ въ монастырь. Старый ея любитель Филостратъ переодѣвается монахомъ и проникаетъ въ монастырь, гдѣ старецъ Геронтій, по порученію игумена, проводитъ его къ Евдокіи. Но вопросъ ея, для чего онъ пришелъ,—филостратъ напоминаетъ о ея прежней богатой жизни и зоветъ ее вернуться въ міръ. „Евдокія же дуну на лицо его и умертви его“; но, по

повелѣнію вдругъ явившагося къ ней Христа, она воскрешаетъ Филострата, велитъ ему быть христіаниномъ и отпускаетъ домой. Далѣе пьеса изображаетъ, какъ царь Авреліанъ, сына котораго воскресила Евдокія, принимаетъ также христіанство и покидаетъ царство. Вновь избранный царь Діогенъ, по совѣту одного изъ придворныхъ, призываетъ Евдокію на „судище“. Смущенную Евдокію Христосъ укрѣпляетъ „чтобы не утратилась мукъ“. Евдокію сначала вопрошаютъ воины, потомъ самъ самъ царь Діогенъ велитъ ей принести жервы языческимъ богамъ, „она же не хотѣетъ“ и ее казнятъ. Въ концѣ пьесы—„эпизодъ проситъ прощенія“ (И. А. Шляпкинъ).

Петръ очень любилъ посѣщать театръ, ввѣренный Наталіи Ал. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ отмѣчено, что 26 февр. 1715 г. „привѣвъ въ Петербургъ въ 3-мъ часу пополудни и въ 6-мъ изволили идти къ государынѣ царевнѣ Наталіи Ал. въ комедію“. Но и въ самомъ обществѣ театръ ея вызывалъ живой интересъ и ее смѣло можно назвать первымъ инициаторомъ созданія національнаго русскаго театра, на ряду съ нѣмецкимъ, итальянскимъ и французскимъ, впервые появившимися при русскомъ дворѣ. Она же дѣлала попытки создать и театральную школу; но, вѣроятно, это послѣднее дѣло было труднѣе осуществить въ то время, такъ какъ рядомъ съ русскими исполнителями долго появляются еще и иностранцы, а иногда за недостаткомъ актеровъ вообще театральныя пьесы откладывались.

Недолго пришлось царевнѣ Наталіи Ал. опекать своихъ внуковъ, дѣтей царевича Алексѣя, печальной кончины котораго (1718 г.) ей также не пришлось быть свидѣтельницей, такъ какъ она скончалась 22 Авг. 1712 г. на 43-мъ году жизни, а Петръ 9-ю годами пережилъ любимую сестру. Онъ до конца дней своихъ хранилъ добрую память о ней: въ 1722 г. онъ съ женою поселился въ домъ царевны Наталіи Ал., а въ 1723 г. перенесъ ея бранные останки изъ Лазаревской въ Благовѣщенскую церковь Александро-Невской лавры.

Со смертію Наталіи Ал. умерла и послѣдняя царевна, знакомая съ нравами и обычаями царскаго терема въ московскомъ Кремлѣ; на смѣну его воздвигался уже императорскій дворецъ въ Петербургѣ—новой столицѣ Россіи и новые титулы—императора, императрицы и великихъ княгинь и княженъ явились на смѣну царей, царицъ и царевенъ. На рубежѣ этого времени стоитъ образъ великой княжны, внучки Петра Великаго, Наталіи Алексѣевны, жизнь которой обрисовалъ намъ такими симпатичными красками авторъ „Очерка русской женщины наканунѣ реформы Петра Великаго и послѣ нея“.

II.

Великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ суждено было играть такую же роль въ дѣятельности Петра II, какъ царевнѣ Наталіи въ дѣятельности Петра Великаго, но къ сожалѣнію, внукъ не походилъ на своего дѣда— „и она осталась лишь добрымъ гениемъ, быстро промелькнувшимъ въ исторіи этого кратковременнаго царствованія, котораго ей не суждено было даже пережить“ (В. С. Иконниковъ).

Отцомъ ея былъ злополучный цѣевичъ Алексѣй, сынъ отъ первой жены Петра, Евдокии, а мать ея была нѣмецкая принцесса Шарлота-Христина-Софія Брауншвейгъ-Вольфенбютельская. Бракъ этотъ совершился по настоянію Петра (14 окт. 1711 г.) и не былъ счастливъ, хотя царевичъ и говорилъ, познакомившись съ принцессою, что она „человѣкъ добръ и лучше ея здѣсь (за границей) мнѣ не найти“. Проживъ полгода въ Польшѣ, куда царевичъ тотчасъ послѣ бракосочетанія былъ отправленъ отцомъ за провіантомъ, кронпринцесса, покинутая въ одиночествѣ, жила нѣкоторое время въ Эльбингѣ, потомъ ушла къ отцу и только по настоянію Петра переѣхала въ Февр. 1713 г. въ Петербургъ, а съ супругомъ свидѣлась только въ Августѣ. Все время чувствуя себя несчастной и нуждаясь постоянно въ деньгахъ, она писала матери, что „если бы не была беременной, то уѣхала бы въ Германію, гдѣ согласилась бы лучше питаться хлѣбомъ и водою“... 12 іюля 1714 г. кронпринцесса родила дочь Наталію, а въ слѣдующемъ 1715 г., 22 Окт., сына Петра и черезъ десять дней послѣ этого скончалась; три года спустя сошелъ въ могилу и царевичъ Алексѣй.

Оставшись круглыми сиротами, сестра и братъ воспитывались почти одинаково съ дочерьми Петра Великаго, хотя рѣдко показывались въ обществѣ, вѣроятно, по причинѣ малолѣтства. Къ концу царствованія Петра Великаго, его отношенія къ внуку стали болѣе внимательными, такъ что въ обществѣ говорили о его намѣреніи передать престолъ царевичу Петру, котораго въ это время стали обучать даже латинскому языку. Когда же Петръ Великій умеръ, не указавъ наследника, то внуки покойнаго императора перестали пользоваться особымъ вниманіемъ при дворѣ, пока у Меншикова, управлявшаго Россіей за Екатерину I, не созрѣло два проекта: выдать свою старшую дочь за великаго князя Петра, не смотря на разность лѣтъ, и женить сына на великой княжнѣ Наталіи; но послѣдняя сумѣла, несмотря на свои юные годы (13—14 л.) дать

понять всю несообразность видовъ на нее. Признавъ все же вел. кн. Петра своимъ наслѣдникомъ, Екатерина I также стала прилагать старанія о воспитаніи его и его сестры: къ послѣдней приставлены были двѣ камеръ-фрейлины, а Петръ II былъ ввѣренъ надзору вице-канцлера Остермана, въ помощники же послѣднему данъ Гольдбахъ. Современники говорятъ о большихъ способностяхъ вел. князя, но послѣднія не были приложены какъ слѣдуетъ къ дѣлу.

Послѣ смерти Екатерины I (1627 г.) началась придворная борьба и вліяніе перешло скоро въ руки Долгоруковыхъ, Меншиковъ былъ сосланъ въ Березовое, а чтобы упрочить свое вліяніе на царя-отрока, Долгоруковы старались доставлять ему постоянныя развлечения: охота и полный разгулъ—вотъ средства, которыми думали привязать къ себѣ молодого императора. Напоминанія Остермана и даже Верховнаго Совѣта о необходимости заняться науками и дѣломъ оставались тщетными. Въ иныхъ чертахъ рисуется передъ нами образъ сестры императора.

„Каждый разъ, когда я съ собою разсуждаю,—писалъ Петръ II,—сколько много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ къ безопасности и благоденствію народа, не могу не принести неизмѣнной признательности моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, изъ которыхъ я каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрныя подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда либо забыть столько заслугъ ея ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе будетъ нѣкогда моя имперія, тѣмъ болѣе признавая плодъ ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благодарнаго брата и императора“... Такой отзывъ ясно говоритъ, насколько Петръ II цѣнилъ вліяніе сестры, которая была его неотлучною спутницею и совѣтами которой онъ, очевидно, въ свое время пользовался.

„Всѣ знавшіе великую княжну, говоритъ Манштейнъ (адъютантъ Миниха), соглашались *единогласно* въ томъ, что она подавала о себѣ самую лестную надежду и *обнаруживала умъ, превышающій несравненно четырнадцатилѣтній ея возрастъ*.“

Наставникомъ Петра II былъ академикъ Гольдбахъ, многосторонне образованный „даровитый энциклопедистъ;“ другіе академики приглашались для чтенія лекцій; такъ Бильфингеръ производилъ во дворцѣ физическіе опыты съ воздушнымъ насосомъ. По программѣ

Остермана, императору преподавались древняя и новая исторія (по Гюбнеру и Пуффендорфу), географія, математика, физика, архитектура, педагогика, музыка и танцы, игра на бильярдѣ и стрѣльба. Но императоръ скоро увлекся забавами, какія предлагали ему Долгоруковы, особенно когда удаленъ былъ въ ссылку Меньшиковъ. Гольдбахъ, видя бесплодность своего преподаванія, хотѣлъ возвратиться въ академію, но его удержала вел. княжна Наталія и въ Январѣ 1728 г. онъ съ нею и съ императоромъ поѣхалъ въ Москву. Изъ его писемъ къ академику Шумахеру, мы знаемъ о томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на ея развитіе: „Ея высочество княжна,—пишетъ онъ,—спрашивала у меня вчера о рѣчи академика Делия, касательно движенія земли, которой большую часть уже прочла и я не сомнѣваюсь, что она приметъ опять за чтеніе ея сегодня.“ Въ другихъ письмахъ онъ говоритъ о томъ, что „геометрическія задачи сдѣлались ея любимымъ занятіемъ“ и онъ сожалѣетъ, что математическіе инструменты никуда не годятся, прося прислать другіе. Великая княжна интересовалась и глобусами и ежедневно по нѣсколько разъ о томъ спрашивала. Современники говорятъ о ея начитанности и умѣ (Манштейнъ, Лефортъ, герцогъ Лирійскій). Ея высоконравственный образъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ женщинъ, окружавшихъ императора. На современномъ портретѣ она изображена была въ видѣ Діаны—покровительницы нравственной чистоты. Она горячо любила брата и не скрывала своего презрѣнія къ временщикамъ (Меншикову, Долгоруковымъ), вредно вліявшимъ на юнаго императора; она сблизилась съ Остерманомъ, серьезно относившимся къ поведенію своего воспитанника, чтобы съ нимъ вмѣстѣ вліять и удерживать Петра II отъ его ненормальнаго образа жизни, особенно съ переездомъ въ Москву: „цѣлую ночь разъѣзжая по улицамъ,—писалъ Лефортъ,—онъ ложится спать только въ 7 ч. утра... Его сестра и Остерманъ потеряли всякое значеніе съ *своими увѣщаніями*, и она очень часто бываетъ огорчена поступками царя“... И часто при постоянномъ отсутствіи царя, вел. княжна отбываетъ за него приемы пословъ и другія придворныя торжества. Герцогъ Лирійскій писалъ въ то же время, что „при дворѣ продолжается разъединеніе и *домашнія непріятности, дѣйствующія дурно на здоровье вел. княжны*, которая день ото дня все худѣетъ“. Она очень хлопотала о возвращеніи въ Петербургъ, но напрасно.

Герцогъ Лирійскій сталъ указывать своему двору на возможность брака вел. княжны съ донъ Карлосомъ, инфантомъ испанскимъ. Наталія стала лелѣять эту мысль и старалась познакомиться съ Испаніей; но въ ея жизни уже совершился печальный переломъ; иностранные

послы доносили уже о медленномъ упадкѣ ея силъ и о признакахъ чахотки (В. С. Иконниковъ).

Чтобы окончательно подорвать довѣріе государя къ сестрѣ, Долгоруковы выдвинули сначала вліяніе вел. княжны Елисаветы Петровны, кокетство и красота которой обворожили Петра II. Герцогъ Лирійскій замѣчаетъ, что характеръ девятнадцатилѣтней Елисаветы совершенно противоположенъ характеру вел. княжны Наталіи: „красота ея физическая—это чудо; грація ея неописанна, но она лжива, легкомысленна и крайне честолюбива“... Вскорѣ у А. Г. Долгорукова созрѣлъ другой планъ: о бракосочетаніи вел. князя съ дочерью своею Екатериною, которая и объявлена была невѣстою императора. Все это окончательно подкосило здоровье вел. княжны Наталіи, совѣты докторовъ не помогали и чахотка въ соединеніи съ женскими болѣзнями быстро стала развиваться. Иностранцы слѣдили за скорымъ теченіемъ ея болѣзни, опасаясь, что съ ея смертію и положеніе Россіи измѣнится и всѣ реформы Петра Великаго будутъ приостановлены.

Во время тяжелой болѣзни сестры Петръ II настолько уже поддавался вліянію Долгоруковыхъ, что во время кризиса нужно было послать пять курьеровъ, пока онъ явился къ больной сестрѣ. Въ декабрѣ 1728 г. вел. княжны Наталіи не стало. „Смерть ея одинаково оплакивали,—говоритъ герцогъ Лирійскій,—и иностранцы и русскіе, и знатные и бѣдные“. Ее похоронили съ величайшей пышностію въ общей усыпальницѣ великихъ княгинь московскихъ въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Черезъ годъ состоялось обрученіе императора Петра II съ дочерью Долгорукова, а черезъ два мѣсяца послѣ этого событія и самый юный императоръ-отрокъ послѣдовалъ за своею сестрою въ лучший міръ.

Не у всѣхъ Петръ Великій зажигалъ насильственно искру просвѣщенія, многіе умы сами шли на его свѣточъ. Къ таковымъ принадлежала и вел. княжна Наталія, внучка великаго императора, которая, несмотря на свои 14¹/₂ лѣтъ все же можетъ служить представительницей лучшихъ, положительныхъ сторонъ Петровской реформы. Она воплотила въ себѣ тотъ идеалъ, къ которому стали стремиться послѣ нея и другія особы царскаго рода изъ династіи Романовыхъ, но о нихъ мы скажемъ въ другой разъ.

А. Иконникова.

1913 г. Кіевъ.

